

ГЛАВА I. НЕОМАЛЬТУЗИАНСТВО И ДЕМОГРАФИЧЕСКИ-СТРУКТУРНАЯ ТЕОРИЯ

1.1. Классическое неомальтузианство

1.1.1. Развитие мальтузианско-рикардианской теории в XX веке

Как отмечают известные специалисты-историографы Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин, «историческая наука в России на рубеже XX-XXI веков переживает методологический и научный плюрализм, который... является необходимым условием для переосмысления истории России»¹. Апробируются новые методологические подходы и дается новое осмысление концепциям, получившим распространение в западной историографии XX века; систематически издаются сборники, посвященные теоретическим проблемам исторических исследований². Среди концепций, апробирующихся отечественными историками в последние десятилетия, можно назвать цивилизационный подход, теорию модернизации, теорию мир-систем И. Валлерстайна³.

Среди этих концепций видное место занимает также концептуальный подход, традиционно называемый «неомальтузианством». Влияние демографического фактора на течение исторического процесса отмечалось многими философами, начиная с античных времен. В трудах Платона, Аристотеля, Хань Фэй-цзы рост численности населения связывался с опасностью перенаселения, которое приводило к нехватке пахотных земель, к недостатку продовольствия, бедности, к голоду и к восстаниям бедняков⁴.

Начало исследования проблемы перенаселения в новое время связано с именем основателя демографической науки Томаса Роберта Мальтуса. Главный постулат Мальтуса заключался в том, что *«количество населения неизбежно ограничено средствами существования (means of subsistence)»*⁵. Однако «великий закон природы состоит в проявляющемся во всех живых существах стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Это приводит к нехватке продуктов питания, что отражается в развитых обществах в росте цен и ренты, в падении реальной заработной платы и в уменьшении потребления низших классов. Уменьшение потребления, в свою очередь, влечет приостановку роста населения или его сокращение до уровня, определяемого средствами существования (или ниже его). Пищи теперь становится достаточно, заработная плата возрастает, потребление увели-

чивается – но затем процесс повторяется: «возобновляются прежние колебания, то в сторону возрастания, то в сторону уменьшения населения»⁶.

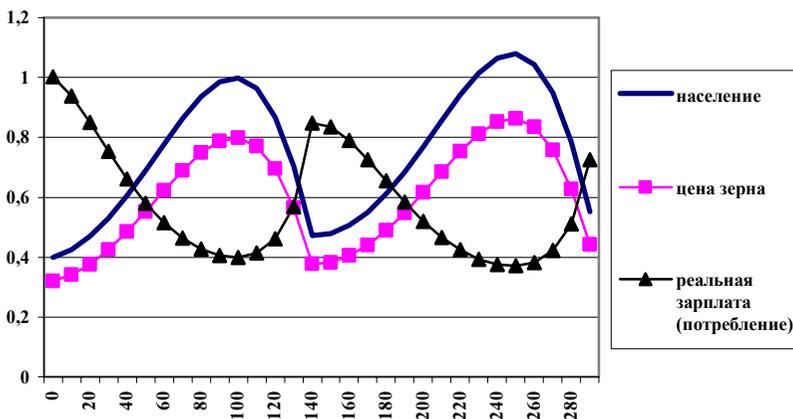
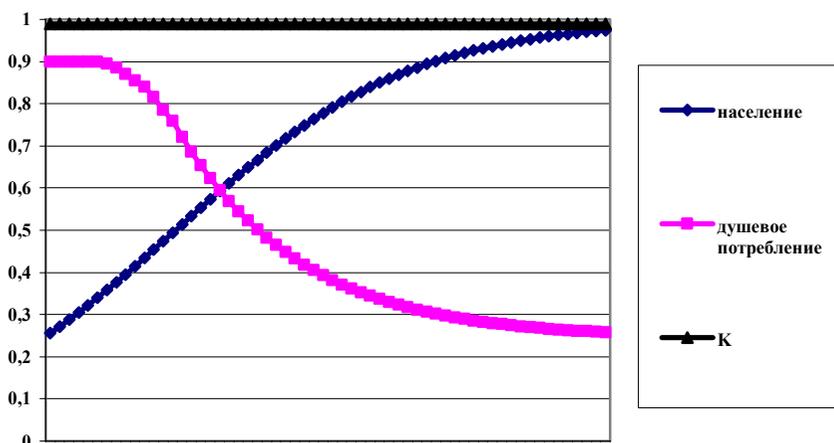

Рис. 1.1. Демографические циклы по теории Мальтуса-Рикардо: рост населения вызывает рост цен и рент и падение реальной заработной платы и потребления. Когда потребление становится ниже прожиточного минимума, начинается кризис и численность населения снижается, цены падают, потребление возрастает. Затем цикл повторяется.

Идеи Мальтуса были восприняты крупнейшими экономистами «классической школы» (А. Смит, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль и др.). Давид Рикардо включил эти положения в разработанную им теорию заработной платы, вследствие чего вся теория получила название мальтузианско-рикардианской⁷. Важно отметить, что и Мальтус, и Рикардо изначально говорили о повторяющихся колебаниях численности населения, то есть о **демографических циклах**. При этом колебания численности населения должны были сопровождаться колебаниями цен, земельной ренты, прибыли и реальной заработной платы, что приводило к представлениям о колебательном характере экономического процесса в целом (рис. 1.1).

Мальтус полагал, что падение темпов роста населения с уменьшением потребления является законом природы, и впоследствии эта связь была подтверждена биологическими экспериментами. В 1920-х годах американский биолог и демограф Раймонд Пирл показал, что изменение численности популяций некоторых видов животных описывается так называемым логистическим уравнением. Решением этого дифференциального уравнения является логистическая кривая (рис. 1.2). Поведение логистической кривой показывает, что поначалу, в условиях высокого потребления, численность популяции быстро возрастает. При избытке ресурсов рост популяции может какое-то время не сопровождаться падением потребления, но затем появляется нехватка пищи и потребление начинает падать. Падение

потребления приводит к замедлению роста населения, и, в конечном счете, численность населения стабилизируется вблизи асимптоты, соответствующей максимально возможной численности при минимальном потреблении – так называемой емкости экологической ниши K . Это состояние «голодного гомеостаза», в действительности, оказывается неустойчивым, колебания природных факторов могут привести к резкому уменьшению численности популяции, после чего начинается период восстановления в новом цикле⁸. Таким образом, «логистические циклы» в популяциях животных имели, в принципе, ту же природу, что и мальтузианские демографические циклы. Впоследствии теория популяционных циклов стала одним из важных разделов новой науки, экологии⁹; она привлекалась последователями Мальтуса как один из аргументов, подтверждающих его теорию¹⁰.

Рис. 1.2. Логистическая кривая и кривая душевого потребления.

Мальтус пытался выявить постулированные им циклы в реальной истории и, привлекая данные о реальной заработной плате в Англии в XVI и XVIII веках, утверждал, что падение потребления в эти периоды, должно быть, объясняется ростом населения¹¹. Однако состояние демографической статистики в XIX веке не позволяло подтвердить теорию с помощью реальных данных о численности населения в странах Европы. Традиция проведения переписей населения с давних времен существовала лишь в Китае. В 1933 году работавший в Харбине русский экономист Е. Е. Яшнов опубликовал небольшое исследование «Особенности истории и хозяйства Китая»¹². Объясняя фиксируемые в исторических источниках колебания населения Китая, Е. Е. Яшнов дал первое описание механизма демографического цикла в истории человеческого общества. Голод, эпидемии и войны в конце предыдущего цикла резко сокращают численность населения, писал Е. Е. Яшнов, поэтому в начале нового цикла крестьяне пользуются

относительным земельным простором и сравнительным достатком. В благоприятных условиях численность населения начинает быстро расти, и через некоторое время все заброшенные ранее поля оказываются распашанными, снова обнаруживается недостаток пахотных земель. Размеры наделов уменьшаются, арендная плата растет, крестьянское хозяйство теряет устойчивость, в годы голода крестьяне продают землю ростовщикам и помещикам. В деревне растет помещичье землевладение; разоренные крестьяне пытаются прокормиться ремеслом, уходят в города. Города растут, но вместе с тем растет число голодных и нищих. В конце концов, голод приводит к крестьянским восстаниям, к попыткам передела земель, внутренним войнам. Разрушение ирригационных систем в ходе войн еще более усиливает голод, начинаются эпидемии, и бедствия сливаются в катастрофу, которая губит большую часть населения¹³.

Описание демографического цикла, данное Е. Е. Яшновым, в настоящее время можно считать классическим, однако с фактологической стороны идея цикличности не получила в работе Е. Е. Яшнова достаточного обоснования. Кроме того, опубликованная в Харбине книга Е. Е. Яшнова осталась вне поля зрения европейских историков и была незаслуженно забыта. Исследование демографических циклов проводилось в Европе независимо и основывалось на изучении материалов о хозяйственной жизни европейских стран.

Как отмечалось выше, для европейских стран имелось мало данных о численности населения, однако существовали данные о другом параметре колебательного экономического процесса – о ценах. Пионером статистического изучения ценовых колебаний стал французский исследователь Франсуа Симиан. В работе Симиана, опубликованной в 1932 году, было введено понятие «вековой тенденции», цикла, состоящего из фазы роста цен (фазы А или повышательной тенденции) и фазы убывания цен (фазы В или понижительной тенденции)¹⁴. Симиан обнаружил в XVI веке повышательную тенденцию, а в XVII веке – понижительную тенденцию, но он не связывал эти ценовые тенденции с демографической динамикой. Продолжая разработку идей Симиана, Эрнест Лабрусс в 1933 году опубликовал более детальное исследование динамики цен и заработной платы во Франции – но также вне связи с демографией¹⁵. В 1934 году немецкий историк и экономист Вильгельм Абель установил, что в Европе имелся период «повышательной тенденции» в XIII-начале XIV века, сменившийся затем понижительной тенденцией в XV веке и снова повышательной тенденцией в XVI-начале XVII века. При этом повышение цен сопровождалось падением заработной платы и – как можно было судить по данным об отдельных областях – относительным ростом населения; периоды падения цен и роста заработной платы, наоборот, соответствовали периодам уменьшения численности населения¹⁶. В. Абель пришел к выводу, что эти процессы соответствуют положениям теории Рикардо, в том смысле, что именно рост населения вызывает рост цен и падение заработной платы, а уменьшение населения вызывает обратные следствия. Однако немецкий историк счи-

тал, что падение численности населения в середине XIV века было вызвано не перенаселением, а случайным и внешним фактором – эпидемией Черной Смерти 1348 года¹⁷.

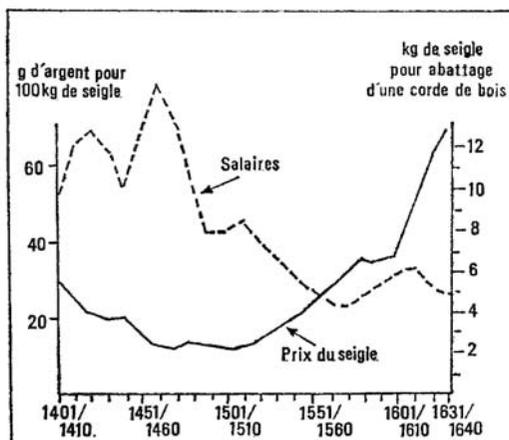

Рис. 1.3. Повышательная тенденция в 1450-1630 гг. в Германии: рост населения вызывает рост цен (prix) и падение заработной платы (salaires). График заимствован из французского издания книги В. Абея¹⁸.

Работы В. Абея нашли широкий отклик в среде историков разных стран. Лондонский журнал «Ревю экономической истории» ввел рубрику «Ревизия экономической истории», в которой публиковались статьи, посвященные анализу экономических процессов XIII-XV веков и связи этих процессов с динамикой численности населения. Надо сказать, что до этого времени вопрос о масштабах потерь, принесенных Черной Смертью, был далеко не ясным. В отсутствие статистических данных многие специалисты были склонны приуменьшать эти потери; преобладала точка зрения о том, что, несмотря на отдельные проблемы, экономика XIV столетия в целом развивалась поступательно. Работы М. Поста, К. Киполлы, К. Хеллинера, Д. Салмарша, Е. Перри, Ф. Лютге, Э. Кельтера и других историков на материале различных европейских стран показали истинные масштабы катастрофы. Прояснилась связь экономики с ростом населения: было показано, что рост населения служил движущей силой роста экономики, что увеличение численности крестьян заставляло их производить распахки и осваивать новые земли; безземельные крестьяне уходили в города, что приводило к росту городов и ремесел. Сокращение численности населения, в свою очередь, вело к запустению деревень и сокращению пахотных земель¹⁹. Возникло понятие «кризис XIV века», количество работ, посвященных данной тематике, быстро росло.

Следующий шаг в апробации мальтузианско-рикардианской теории был сделан английским историком Майклом Постаном. М. Поста́н показал, что катастрофа середины XIV века не была случайностью, что уже в начале этого столетия сельское хозяйство не могло прокормить растущее население, и голод 1310-х годов был первым симптомом наступившего перенаселения. М. Поста́ну и Д. Титову удалось доказать, что после 1300 года наметились рост смертности и уменьшение естественного прироста, которые объяснялись падением уровня жизни, что именно падение уровня жизни и постоянные голодовки подготовили почву для губительной эпидемии Черной смерти²⁰. Позднее было показано, что сокращение численности населения в начале XIV века (до эпидемии) имело место и в других странах. Таким образом, демографический цикл XI-XIV веков получил вполне мальтузианскую трактовку, зафиксированную в недавно вышедшем в свет шестом томе «Новой кембриджской истории средних веков»²¹.

Еще одна проблема, стоявшая перед историками, заключалась в том, как судить о численности населения в отсутствие надежных статистических данных. В работе 1950 года Майкл Поста́н приводит свидетельства о резком увеличении реальной заработной платы, о падении цен и ренты после 1348 года и затем делает вывод о больших масштабах демографической катастрофы²². Здесь мы впервые видим пример обращения теории Мальтуса-Рикардо, когда, исходя из поведения экономических показателей, делается вывод о динамике численности населения. Впоследствии этот вывод был подтвержден данными демографии²³.

В 50-х годах XX века исследованием вековых тенденций занималось большое число историков в различных странах. На X международном конгрессе исторических наук в 1955 году группа исследователей – М. Молла, М. Поста́н, П. Иогансен, А. Сапори и Ш. Верлинден – представила новое видение истории позднего средневековья с точки зрения теории вековых тенденций²⁴. Одним из крупных достижений этого периода была работа Ф.Брауна и Ш. Хопкинса, построивших временные ряды цен и реальной заработной платы в Англии²⁵.

График, построенный Ф. Брауном и Ш. Хопкинсом, был сопоставлен В.Абелем и Б. Слихером ван Батом с динамикой численности населения, и в результате получилась картина, близко напоминающая теоретические построения Мальтуса и Рикардо²⁶. На рис. 1.4 приведен вариант графика Абе́ля, построенный с использованием последних данных о численности населения Англии²⁷. П. Турчин добавил к этому графику кривую уровня мальтусовских «средств существования», или, на современном языке, емкости экологической ниши (К), которая равна тому количеству населения, которое может проживать на данной территории при распашке всех пригодных для обработки земель, средней для данного периода урожайности и потреблении по минимально возможной норме²⁸.

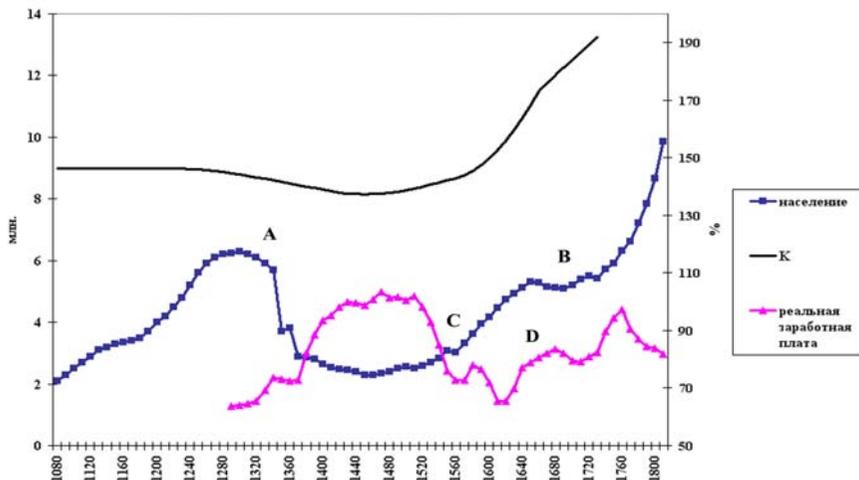

Рис. 1.4. Численность населения и уровень потребления в Англии XII-XVIII вв. За уровень потребления взят усредненный по 30-летиям тренд реальной заработной платы лондонского каменщика (средний уровень XV века взят за 100%).

В традиционном обществе урожайность и емкость экологической ниши остаются постоянными на протяжении многих столетий, и это жесткое ограничение придает демографическим кризисам характер катастроф. Как показывает график, первый глобальный демографический кризис (обозначенный на графике буквой А) разразился в середине XIV века, он был ознаменован голодом, страшной пандемией чумы и крестьянским восстанием 1381 года. Кризис привел к гибели более чем половины населения Англии; в результате сокращения населения уровень потребления увеличился почти вдвое. После того как утихли эпидемии и стабилизировалась политическая обстановка (примерно с 1480 года), население стало расти, и участок С на графике подобен классической картине демографического цикла: население растет, а потребление падает. К 1600-1630 годам потребление упало примерно на 40%, до критического уровня, на котором начался предыдущий кризис. Однако в это время начались аграрные преобразования, сопровождавшиеся повышением урожайности и расширением экологической ниши (участок D). Потребление стало увеличиваться – но экосистема все же не успела выйти из зоны неустойчивости, и Англии не удалось избежать кризиса, который ознаменовался гражданской войной середины XVII века и последующими эпидемиями (этот кризис обозначен на графике буквой В). Однако благодаря расширению экологической ниши катастрофы на этот раз не произошло, имело место лишь небольшое

уменьшение численности населения, а затем – длительная демографической стагнация. За счет продолжающегося увеличения урожайности уровень потребления в этот период значительно возрос и почти достиг уровня, установившегося после первой катастрофы. Увеличение потребления способствовало возобновлению быстрого роста населения после 1730 года. В этот период рост урожайности уже не мог компенсировать рост населения, и уровень потребления снова стал падать²⁹.

В 50-х и 60-х годах мальтузианская теория циклов нашла подробное отражение в обобщающих трудах Б. Сликера ван Бата, Р. Мунье, К. Чиппола, Д. Гласса и Д. Эверслея и других авторов³⁰. Большую роль в разработке этой теории играла французская школа «Анналов», в частности, работы Ж. Мевре, П. Губера, Ж. Дюби, Э. Лабрусса, Ф. Броделя, Э. Ле Руа Ладюри, П. Шоню³¹. В 1958 году, подводя итог достижениям предшествующего периода, редактор «Анналов» Фернан Бродель заявил о рождении «новой исторической науки». «Новая экономическая и социальная история на первый план в своих исследованиях выдвигает проблему циклического изменения, – писал Ф. Бродель, – она заморожена фантомом, но вместе с тем и реальностью циклического подъема и падения цен»³². В 1967 году вышел в свет первый том фундаментального труда Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках»³³.

«Демографические приливы и отливы есть символ жизни минувших времен, – писал Фернан Бродель, – это следующие друг за другом спады и подъемы, причем первые сводят почти на нет – но не до конца! – вторые. **В сравнении с этими фундаментальными реальностями все (или почти все) может показаться второстепенным...*** Растущее население обнаруживает, что его отношения с пространством, которое оно занимает, с теми богатствами, которыми оно располагает, изменились... Возрастающая демографическая перегрузка нередко заканчивается – а в прошлом неизменно заканчивалась тем, что возможности общества прокормить людей оказывались недостаточными. Эта истина, бывшая банальной вплоть до XVIII века, и сегодня еще действительна для некоторых отсталых стран... Демографические подъемы влекут за собой снижение уровня жизни, они увеличивают... число недоедающих нищих и бродяг. Эпидемии и голод – последний предшествует первым и сопутствует им – восстанавливают равновесие между количеством ртов и недостающим питанием....

Если необходимы какие-либо конкретные данные, касающиеся Запада, то я бы отметил длительный рост населения с 1100 по 1350 год, еще один с 1450 по 1650, и еще один, за которым уже не суждено было последовать спаду – с 1750 года. Таким образом, мы имеем три больших периода демографического роста, сравнимые друг с другом... Притом эти длительные флуктуации обнаруживаются и за пределами Европы, и примерно в то же время Китай и Индия переживали регресс в том же ритме, что и Запад, как

---

* Здесь и далее, если это особо не оговаривается, выделение курсивом принадлежит автору книги.

если бы вся человеческая история подчинялась велению некоей первичной космической судьбы, по сравнению с которой вся остальная история была истиной второстепенной»³⁴.

Из других наиболее известных изданий 60-х годов следует отметить книгу Эммануэля Ле Руа Ладюри «Крестьяне Лангедока», которая является наиболее полным исследованием социально-экономических процессов во французской деревне на основе концепции демографических циклов³⁵. В 1967 году вышел в свет четвертый том «Кембриджской экономической истории Европы», в котором теория вековых тенденций представлена в разделах, написанных Ф. Броделем, Ф. Спунером и К. Хеллинером³⁶.

В 70-х годах концепция демографических циклов получает освещение в энциклопедических многотомных изданиях, таких как «Экономическая и социальная история Франции», «История Италии»³⁷. В это время выходят в свет обобщающие работы М. Постана «Средневековая экономика и общество», «Очерк средневекового сельского хозяйства и общие проблемы средневековой экономики»³⁸. В 1976 году известный историк и экономист Рондо Камерон в своем обзоре достижений экономической истории писал о циклах европейской истории как о теории, получившей общее признание³⁹.

В 70-80-е годы учение о демографических циклах получило общее название «неомальтузианства», однако необходимо отметить, что приверженцы этой теории в разных странах так и не выработали общей терминологии: они называли циклы «демографическими», «логистическими», «общими», «аграрными», «вековыми», «экологическими», подразумевая под ними одни и те же циклы, описанные Мальтусом и Рикардо.

Большое теоретическое значение имело появление в 1981 году исследования А. Ригли и Р. Шофилда «История населения Англии»⁴⁰. Авторы восстановили динамику численности населения Англии с 1541 года и использовали полученные данные как экспериментальный тест для проверки теоретических положений мальтузианской теории. В результате этого исследования математическими методами было подтверждено наличие постулированной Мальтусом и Рикардо тесной связи между темпами роста населения, ценами и реальной заработной платой вплоть до времен индустриализации. Однако после того как английская индустриализация сделала заметные успехи и был налажен массовый ввоз продовольствия из других стран в обмен на промышленные товары, эта корреляция исчезла, то есть *сфера приложения мальтузианской теории должна быть ограничена традиционным допромышленным обществом*⁴¹. Это важное обстоятельство отмечалось историками и раньше, и, в частности, Ле Руа Ладюри называл Мальтуса «пророком прошлого» – в том смысле, что его теория перестала действовать вскоре после опубликования его книги⁴².

Тем не менее, авторы «Истории населения Англии» подчеркивали исключительную ценность мальтузианско-рикардианской теории для понимания динамики социально-экономического развития в доиндустриальную эпоху. «При отсутствии какой-либо теории, объединяющей социальные структуры и их динамику, историческое объяснение обречено быть не-

формальным и эклектичным... – писал Р. Шофилд. – Теория Мальтуса особенно хорошо подходит для объяснения исторической динамики, потому что она не только объединяет концептуальные элементы в структуру, но и явно рассматривает природу динамики этих структур. Теория не просто говорит, что демографические и экономические элементы, такие как прирост населения, цены продуктов питания... связаны, она изучает, как изменения в каждом из этих элементов воздействуют на изменения в других элементах»⁴³. Это важное преимущество теории Мальтуса *делало возможным аналитическое описание постулированных закономерностей и построение экономико-математических моделей, описывающих реалии прошлого*⁴⁴. В 1978 году известный экономист Рональд Ли провел экономико-математический анализ данных Ф. Брауна и Ш. Хопкинса и пришел к выводу о том, что они соответствуют постулатам Мальтуса⁴⁵. Постулаты мальтузианско-рикардианской теории были использованы в ряде появившихся в это время глобальных экономико-демографических моделей, в том числе в моделях Д. Форрестера, Д. Медоуза, М. Месаровича и Э. Пестеля⁴⁶.

Обостренное внимание уделялось связи мальтузианской теории с проблемой аграрного перенаселения в развивающихся странах. В капитальном исследовании Д. Григга были проанализированы процессы перенаселения в западноевропейских странах в XIV и в XVII веках, исследовано их влияние на различные аспекты социально-экономического развития и проведено сопоставление с социально-экономическими процессами в странах третьего мира⁴⁷. Как видно из графика на рис. 1.5 динамика населения и потребления в обширном регионе Центральной Африки во второй половине XX века имела мальтузианский характер: рост населения сопровождался падением потребления.

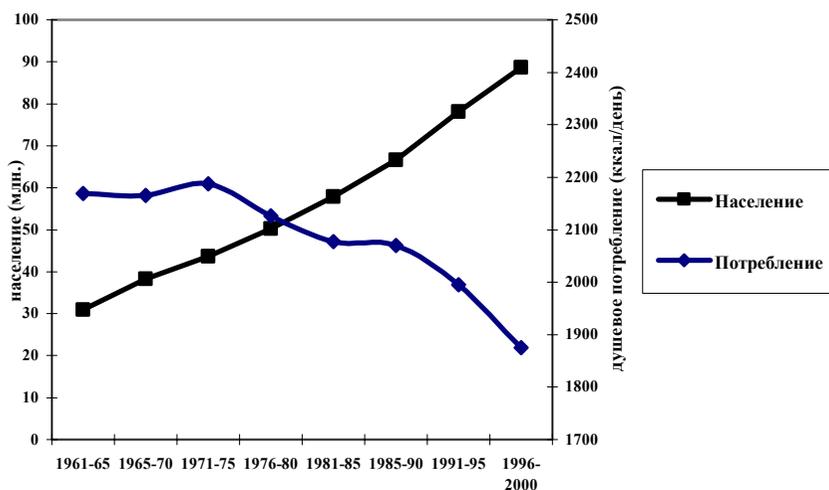

Рис. 1.5. Население и потребление в Центральной Африке⁴⁸.

Среди изданий 80-х годов мы можем отметить также книгу Ф. Броделя «Что такое Франция? Люди и вещи» и популярный учебник Р. Камерона «Краткая экономическая история мира» – обе эти книги переведены на русский язык⁴⁹. Помимо трех описанных выше демографических циклов, Ф. Бродель и Р. Камерон рассматривают демографические циклы античности и раннего средневековья; таким образом, делается попытка представить всю историю Европы в виде чередующихся демографических циклов и объяснить социальные явления, исходя из демографических закономерностей.

Как отмечалось выше, Ф. Бродель постулировал наличие демографических циклов также и в истории Востока. Р. Камерон подвергает критике этот тезис Ф. Броделя, указывая на отсутствие исследований по этой тематике⁵⁰. До сравнительно недавнего времени исключение в этом отношении представляли лишь работы израильского ученого Елеаху Аштора, исследовавшего циклы цен и заработной платы на Ближнем Востоке и полагавшего, что согласно «тезису М. Постана» причиной этих циклов являются колебания в численности населения⁵¹. Имеется также несколько работ, посвященных демографическим циклам в Китае⁵². Приводящиеся в этих работах данные позволяют установить, в частности, что зависимость между численностью населения и потреблением в XVIII-XIX веках имела мальтузианский характер: рост населения в этот период сопровождался падением потребления.

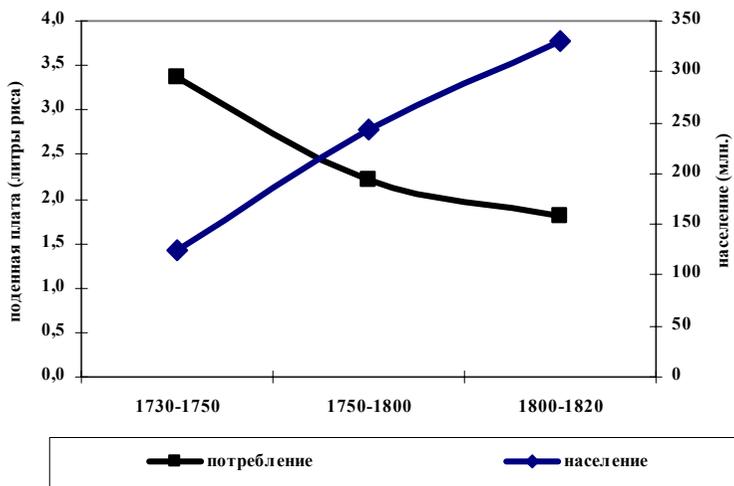

Рис. 1.6. Население и потребление в Китае XVIII-XIX веков⁵³.

В 1996 году вышла в свет книга Дэвида Фишера «Великие волны», которая исследует ценовые волны не только в Европе, но и в Азии – но вне

связи с демографическим фактором⁵⁴. Заметим также, что элементы мальтузианского подхода используются в теории мир-систем Иммануила Валлерстайна⁵⁵. Относительно недавно А. Франк и Б. Гиллс предприняли попытку продлить теорию мир-систем вглубь веков и выделили четыре больших цикла роста-упадка: доклассический (1700-100/50 гг. до н.э.), классический (100/50 гг. до н.э. – 200-500 г. н.э.), средневековый (200-500-1450/1500), и современный (с XVI в.)⁵⁶. Это выделение предполагает постулированную Ф. Броделем синхронность циклов на огромных территориях Евразии. Однако Дж. Ричардс убедительно показал, что синхронность в действительности отсутствует, например, в кризисном для Европы XVII веке Индия переживала подъем, а кризис наступил позже⁵⁷.

В последнее время проблема влияния демографического фактора на исторический процесс разрабатывается группой российских историков, возглавляемой Э. С. Кульпиным. Э. С. Кульпин и его последователи создали новое научное направление, называемое *социоестественной историей* – эта научная дисциплина призвана изучать исторические события в неразрывной связи с экологией и демографией. Отдельные работы, выполненные в рамках социоестественной истории, посвящены некоторым аспектам истории Китая, Египта и Японии⁵⁸. Группой Э. С. Кульпина была предпринята первая попытка создания социоестественной истории России⁵⁹.

Однако объект изучения у социоестественной истории иной, нежели у мальтузианско-рикардианской теории; исследователи из группы Э. С. Кульпина не признают связи с этой теорией и не ссылаются на упомянутые выше работы западных специалистов. Социоестественная история изучает, главным образом, динамику населения в условиях экологических кризисов, то есть в условиях сокращающейся экологической ниши, в то время как классическая теория не рассматривает этот случай, полагая емкость экологической ниши примерно постоянной или увеличивающейся. В этой связи характерно, что Э. С. Кульпин, несмотря на фиксируемые переписями резкие колебания численности населения Китая, называет период I-XVII веков (поскольку в это время не было экологических кризисов) «временем относительной социально-экономической стабильности»⁶⁰.

В последние годы изучение демографических циклов проводится с широким использованием экономико-математических моделей. Это новое направление исследования представлено, в том числе, в работах Дж. Комлоса, П. Турчина, А. В. Коротаева, Д. А. Халтуриной, С. Ю. и А. С. Малковых, С. В. Циреля, а также в работах автора⁶¹.

В заключение этого краткого обзора коснемся основных направлений критики неомальтузианства. Основное положение Мальтуса и Риккардо о том, что «количество населения ограничено средствами существования» и при ограниченности ресурсов рост численности населения вызывает падение потребления, редко встречает возражения. Однако некоторые авторы указывали на то обстоятельство, что рост населения даже в традиционном обществе влечет за собой совершенствование технологии и увеличение ресурсов⁶². Кроме того, историки-марксисты отмечали, что количество «средств существования», находящееся в распоряжении населения, зависит от общественной системы, и в некоторых случаях государство и элита отнимали у народа до половины ресурсов, что сказывалось на демографической динамике⁶³. Таким образом, мальтузианское ограничение *«means of*

subsistence» – на современном языке, емкость экологической ниши – имело некоторую эластичность, что было существенно для анализа ситуации в конкретный момент времени. Однако в принципе (как отвечали на критику мальтузианцы), резервы совершенствования технологии или социальной системы в традиционном обществе, так или иначе, были ограничены и рано или поздно должно было наступить перенаселение.

Другое направление критики неомальтузианской концепции было связано с относительно слабой верификацией причин уменьшения численности населения. Многие критики полагали, что главной причиной упадка было не перенаселение и не долговременное падение потребления, а случайные факторы, такие как неурожаи, губительные эпидемии или вторжения завоевателей. Д. Григг отмечает, однако, что неурожаи и пандемии бывали во все времена, но они оказывались катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда популяция была ослаблена постоянным недоеданием, – то есть случайные факторы лишь усиливали эффект перенаселения⁶⁴.

Более важную роль могли играть долговременные климатические колебания, расширяющие и сужающие экологическую нишу. В одной из моделей Р. Ли было показано, что периодические колебания такого рода, в теории, могли объяснять уменьшение и увеличение численности населения, а через демографическую динамику – также и колебания в ценах и заработной плате⁶⁵. Однако Э. Ле Руа Ладюри в специальной работе, посвященной исследованию климата, показал, что реально зафиксированные климатические колебания не в состоянии объяснить демографическую динамику⁶⁶.

Еще одно направление критики было связано с «немальтузианским» объяснением сокращения численности населения – с тем обстоятельством, что фактором, резко увеличивавшим губительную силу эпидемий, было, возможно, не столько недоедание, сколько характерная для периодов перенаселения скученность населения в городах⁶⁷. Эта критика, однако, не опровергает мальтузианского положения о сокращении численности населения как реакции на перенаселение, а лишь показывает необходимость учета дополнительных факторов, ограничивающих экологическую нишу.

Библиографию работ, посвященных критическому анализу неомальтузианской концепции можно найти в книге Д. Фишера⁶⁸.

1.1.2. Фазы демографического цикла

Как отмечалось выше, Ф. Симиан – и вслед за ним многие другие историки – выделял в экономическом цикле фазу роста (фазу А или «повышательную тенденцию») и фазу убывания (фазу В или понижательную тенденцию). Э. Ле Руа Ладюри на примере Южной Франции дал более подробное описание демографического цикла (Ладюри называл этот цикл «большим аграрным циклом») с выделением четырех фаз⁶⁹.

Первая, «предварительная», фаза наступает после того, как голод, войны и эпидемии в конце предыдущего цикла резко уменьшили численность

населения, поэтому она характеризуется малой плотностью населения и избытком свободных земель, низкими ценами на продовольствие, относительно высоким уровнем потребления крестьян, низкой земельной рентой.

Вторая, «фаза роста», характеризуется быстрым ростом населения, интенсивной распашкой свободных земель, но вместе с тем уменьшением и дроблением крестьянских хозяйств, ростом цен, падением реальной заработной платы и нарастанием социальной напряженности. «Мальтус и Рикардожимают друг другу руки», – писал Ле Руа Ладюри, отмечая полное совпадение наблюдавшихся в Лангедоке явлений с мальтузианско-рикардианской теорией⁷⁰.

Третья «фаза зрелости», характеризуется замедлением или прекращением роста населения, крестьянским малоземельем, ростом ренты и налогов, высокими ценами на продовольствие, низким уровнем реальной заработной платы и потребления, войнами. «Эта зрелость не является счастливой», – отмечал Ле Руа Ладюри⁷¹.

Наконец, четвертая фаза – это фаза упадка, характеризуемая голодом, эпидемиями, сокращением численности населения.

Легко заметить, что фазы Ле Руа Ладюри в основном повторяют те признаки, которые соответствуют фазам цикла в мальтузианско-рикардианской теории. В то же время эта характеристика различных фаз сделана французским исследователем на основе изучения аграрной истории Южной Франции и не отражает многообразие явлений, наблюдавшихся в других странах. Более подробное перечисление признаков перенаселения в различных странах имеется в цитированной ранее монографии Д. Григга, это, в первую очередь: крестьянское малоземелье, дробление хозяйств, рост продовольственных цен и арендной платы, падение потребления до прожиточного минимума, рост смертности, задержки браков и ограничение рождаемости, нищета, бандитизм, эмиграция (постоянная и сезонная), большое количество безземельных, интенсификация земледелия, ирригация и мелиорация, переход безземельных крестьян к занятиям ремеслом и торговлей и в связи с этим – переселение сельских жителей в города, рост городов, который, однако, не решает проблемы перенаселения и т. д.⁷² Еще одно важное следствие перенаселения – это рост крупного землевладения и усиление социальной дифференциации; наличие устойчивой связи между плотностью населения и уровнем дифференциации была доказано А. В. Коротаевым на основе статистического критерия «хи-квадрат»⁷³. А. В. Коротаев указал также на наличие статистической связи между плотностью населения и уровнем централизации⁷⁴; применяя ту же методику, нам удалось показать наличие связи между плотностью населения и формой правления – а именно, тот факт, что перенаселение порождает тенденцию к установлению автократии⁷⁵. Этот факт ранее отмечался многими исследователями, можно упомянуть, например, известное высказывание выдающегося французского демографа А. Соби, который полагал, что в традиционных обществах «перенаселение долгое время благоприятствовало авторитарному строю»⁷⁶.

Главный признак перенаселения – и его определение по Мальтусу – это падение потребления до минимального уровня⁷⁷. Некоторые другие из перечисленных здесь признаков являются часто встречающимися, но не обязательными следствиями перенаселения. Например, задержка браков и ограничение рождаемости были характерны для Европы, но не характерны, в частности, для традиционного Китая⁷⁸.

Что касается последней фазы цикла, главный признак которой – уменьшение численности населения, то эта тема наиболее подробно разрабатывалась Э. Лабруссом, который доказывал, что череда французских революций – революции 1789, 1830 и 1848 годов – являются завершающей фазой третьего европейского экономического цикла⁷⁹. Тезис о том, что завершением цикла часто является социальная революция, на многочисленных исторических примерах был проиллюстрирован в нашей, совместной с акад. В. В. Алексеевым, статье, где приведены также и некоторые статистические данные о связи уровня потребления и социальных революций⁸⁰. В последней работе А. В. Коротаява, А. С. Малкова и Д. А. Халтуриной на материале стран Африки южнее Сахары было показано существование статистической связи между уровнем потребления и происходящими в различных странах политическими переворотами, массовыми беспорядками и гражданскими войнами. В частности, установлено, что при понижении потребления ниже 1850 ккал на трехлетний срок стабильность сохранялась только в 17% известных случаев, в 50% случаев имели место массовые беспорядки и политические перевороты, в 33% случаев голод порождал гражданскую войну⁸¹.

Перенаселение и падение потребления приводили к распространению массового недовольства и к высокой социальной напряженности. В то же время, как отмечалось выше, большую роль играли случайные факторы, такие, как неурожай и эпидемии. Эти сами по себе, хотя и случайные, но достаточно обычные для традиционного общества явления в условиях постоянного недоедания и отсутствия запасов продовольствия приобретали драматические масштабы. Участвовавшие голодные годы вызывали городские бунты и крестьянские восстания, особенно характерные для истории Востока⁸². Военное разорение при подавлении восстаний, в свою очередь, влекло за собой голод и эпидемии; внешние враги не упускали случая воспользоваться кризисом для вторжения, и события могли принять характер глобальной катастрофы – примером может служить катастрофа, произошедшая в Китае в середине XVII века.

Как отмечалось выше, перенаселение порождает тенденцию к автократии. Существует мнение, что масштабный социальный кризис, сопровождаемый голодом и войной, порождает автократию в ее крайней форме – в форме этатистского государства. Наиболее аргументировано эта точка зрения изложена Питиримом Сорокиным в работе «Голод как фактор»⁸³. П.Сорокин определяет «идеальное» этатистское общество как общество, в котором государство регулирует все стороны жизни граждан, которое характеризуется «деспотической» властью и отсутствием (или ограничени-

ем) частной собственности на средства производства (в аграрном обществе – главным образом, на землю)⁸⁴. «Голод – отец этатизма, – писал П. Сорokin, – война – его мать»⁸⁵. Многие историки, вслед за Р. Мунье, связывают торжество европейского абсолютизма с кризисом XVII века⁸⁶. В одной из работ автора был произведен анализ демографических циклов в странах Востока на предмет выяснения вопроса, порождает ли перенаселение этатистскую монархию. Оказалось, что социальные революции и реформы были достаточно обычным исходом «вековых» демографических циклов: в 13 из 16 исследованных циклов в странах Востока, которые начались в условиях господства частной собственности на землю, революции или реформы в последних фазах цикла привели к установлению этатистской монархии. Эти социальные перевороты сопровождались либо радикальным ограничением крупного землевладения, либо его полной ликвидацией вплоть до установления государственной собственности на землю⁸⁷.

Экосоциальный кризис часто вызывает разрушение государства и может стать началом длительного периода социальной нестабильности, в течение которого периодически возобновляющиеся внутренние и внешние войны сопровождаются разрухой, голодом и эпидемиями. Такое состояние посткризисной депрессии препятствует возобновлению роста населения в следующем демографическом цикле, и этот период называют интерциклом. П. Турчин на материале Англии, Китая и Римской империи, установил наличие тесной статистической связи между коэффициентом естественного прироста и индексом социальной нестабильности⁸⁸. Таким образом, можно утверждать, что задержка в возобновлении роста населения (несмотря на повышение потребления после кризиса) непосредственно связана с внутренними и внешними войнами, мятежами и восстаниями, которые являются более или менее отдаленными последствиями экосоциального кризиса, нарушившего стабильное состояние государства.

Интерцикл между двумя циклами наблюдается не всегда, но в некоторых случаях он может быть достаточно продолжительным, так, например, после кризиса времен Черной смерти в Англии и Франции интерцикл продолжался около столетия. В интерциклах большой длительности динамика населения зависит от интенсивности внешних войн и внутренних конфликтов. Так, например, во Франции, после экосоциального кризиса 1340-1360-х годов наступил период успокоения, в течение которого понесенные страной потери были частично компенсированы. Однако нарушенная кризисом государственная и общественная стабильность не была вполне восстановлена, и в 1410-1430-х годах разразился новый кризис, оказавшийся в некоторых областях более губительным, чем первый⁸⁹.

Суммируя имеющиеся в литературе данные, мы предложили⁹⁰ следующую характеристику цикла с разбиением на три фазы:

Первая фаза цикла – это *период внутренней колонизации* (или *фаза роста*). Для этого периода характерны наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно

высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества.

После исчерпания ресурсов свободных земель наступает вторая фаза, **период Сжатия**, для этой фазы характерны *отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы населения, замедление или приостановка роста населения, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, высокий уровень смертности, стихийное ограничение рождаемости, разорение крестьян-собственников, распространение ростовщичества и аренды, высокие цены на землю, рост крупного землевладения, рост социальной дифференциации, уход разоренных крестьян в города, где они пытаются заработать на жизнь ремеслом или мелкой торговлей, рост городов, развитие ремесел и торговли, большое количество безработных и нищих, голодные бунты и восстания, активизация народных движений под лозунгами передела собственности и социальной справедливости, попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, тенденция к увеличению централизации и установлению этактистской монархии, попытки увеличения продуктивности земель, в частности, с помощью ирригации и мелиорации, поощрительная политика в области колонизации и эмиграции, ввоз продовольствия из других стран (или районов), внешние войны с целью приобретения новых земель и понижения демографического давления.* Экономическая ситуация в этот период неустойчива, у крестьян отсутствуют необходимые запасы зерна и любой крупный неурожай или война могут привести к голоду и экосоциальному кризису. «Экономика предельно напряженная», – писал П. Шоню⁹¹.

Третья фаза демографического цикла – это фаза **экосоциального кризиса**; для этого периода характерны *голод, эпидемии, восстания и гражданские войны, внешние войны, гибель больших масс населения, принимающая характер демографической катастрофы, разрушение или запустение многих городов, упадок ремесла и торговли, высокие цены на хлеб, низкие цены на землю, гибель значительного числа крупных собственников и перераспределение собственности, социальные реформы, в некоторых случаях принимающие масштабы революции, порождающей этактистскую монархию.*

После третьей фазы в некоторых случаях имеет место **период депрессии или интерцикл** – период социальной нестабильности, внутренних конфликтов и внешних войн, в течение которого могут наблюдаться повторные экосоциальные кризисы. Новый демографический цикл начинается лишь после того, как прекращаются войны и восстанавливается государственная и общественная стабильность.

1.2. Демографически-структурная теория

1.2.1. Основные положения демографически-структурной теории

Новый этап в развитии концепции демографических циклов был связан с появлением демографически-структурной теории Джека Голдстоуна⁹². Монография Дж. Голдстоуна «Революции и восстания в раннем современном мире», опубликованная в 1991 году, была отмечена большим количеством положительных рецензий крупных специалистов и быстро завоевала признание среди историков и социологов⁹³. В частности, М. Роджерс сформулировал значение книги Дж. Голдстоуна следующим образом: «Это – книга, которая должна заставить историков заново обдумать эру между XV и XIX веками»⁹⁴.

Отличительной чертой демографически-структурной теории является новый, структурный подход: в то время как неомальтузианская теория рассматривала население и экономику в целом, демографически-структурная теория рассматривает структуру – народ, государство и элиту – и анализирует взаимодействующие элементы этой структуры в условиях роста населения.

Прежде всего, Дж. Голдстоун дает определение составляющих структуру элементов. Государство, по Дж. Голдстоуну, это учреждения, являющиеся носителями централизованной и предписывающей законы власти, включая отдельных лиц, управляющих этими учреждениями. В частности, государство включает монархов, их придворных, чиновников, судей и армию. Элита – это лица, имеющие исключительное общественное или имущественное положение: дворянство, крупные землевладельцы, купцы, высшие чиновники и т. д. Все остальное население составляет третий элемент структуры – простой народ, или просто «народ»⁹⁵.

Элементы структуры взаимодействуют между собой. Государство обеспечивает народу и элите защиту от антиобщественных элементов и внешних врагов, а также заботится о поддержании экономического роста; для обеспечения этих функций оно собирает налоги, то есть отнимает у народа часть ресурсов. Элита по традиции обеспечивает государство кадрами чиновников и офицеров (а иногда и солдат). Она также отнимает у народа часть ресурсов, в частности, в виде ренты с принадлежащих ей земель, и негативно реагирует на попытки государства увеличить свою долю. Таким образом, государство, элита и народ находятся в состоянии постоянной борьбы за ресурсы – и динамику этой борьбы необходимо учитывать при определении тех ресурсов, которые останутся у простого народа⁹⁶. (Здесь Дж. Голдстоун неявно учитывает критику неомальтузианской теории марксистскими историками).

Необходимо подчеркнуть, что Дж. Голдстоун, следуя за Т. Скочпол⁹⁷ и современной американской школой исторической социологии, рассматривает государство как относительно независимый элемент социальной структуры. Государство, принимающее, в частности, форму абсолютной монархии, в принципе, способно проводить этатистскую политику, не совпадающую с интересами элиты, и его взаимоотношения с элитой (и наро-

дом) представляют собой сложный комплекс сотрудничества и противостояния – но в обычной ситуации сотрудничество все же преобладает⁹⁸.

Далее Голдстоун вводит понятие *государственного кризиса* – это ситуация, в которой значительная часть элиты и народа полагает, что политика государства является неэффективной, несправедливой или устаревшей, не отвечающей современным нуждам. В период кризиса противостояние между элементами общественной структуры начинает преобладать над сотрудничеством и борьба за ресурсы становится более острой. Государственный кризис может быть вызван, например, поражением в войне, банкротством казны или неспособностью подавить беспорядки – но часто является следствием неспособности государства справиться с нарастающими экономическими проблемами⁹⁹.

Другое важное понятие, вводимое Голдстоуном, – это понятие «разрушения государства», *«брейкдаун»*, ситуации, когда государственный кризис приводит к выступлениям элиты против государства и к народным восстаниям, направленным как против государства, так и против элиты; эти выступления и восстания, в конечном счете, порождают гражданскую войну. Брейкдаун может завершиться изменением основных форм экономической организации и собственности – то есть полномасштабной социальной революцией, но, в теории, этого может и не произойти¹⁰⁰.

Наиболее существенным моментом демографически-структурной теории является анализ того, как структура «государство-элита-народ» реагирует на рост населения. В своем исследовании Дж. Голдстоун обобщил материалы, полученные путем изучения социально-политических кризисов XVII века в Англии, Франции, Испании, Китае, Османской империи, а также кризисов конца XVIII – XIX века во Франции, Германии, Китае, Японии. Тщательное изучение обширного материала позволило американскому исследователю сделать вывод о том, что рост населения является главным фактором, приводящим сначала к кризису государства, а затем к брейкдауну, и иногда – к социальной революции¹⁰¹.

Описывая воздействие демографического роста на основные элементы структуры, Дж. Голдстоун отмечает, прежде всего, изменения в положении народа («динамику народа»). Рост населения приводит к крестьянскому малоземелью, росту цен и ренты, падению потребления, разорению крестьян, миграциям в города, к безработице, нищете, неурожаю, продовольственным бунтам, попыткам конфискации земель у помещиков¹⁰². Легко видеть, что выводы Голдстоуна в этой части его исследования идентичны положениям неомальтузианской теории – но Голдстоун усложняет эту теорию, обращая внимание на то, что демографический рост приводил к нелинейной реакции в нижних слоях населения. Американский исследователь иллюстрирует эту реакцию на следующем примере. Допустим, пишет Голдстоун, что в начальный момент 90% населения имеет земельные участки, наследующиеся по принципу майората, а остальные 10% составляют безземельные. Если допустить, что через какое-то время население увеличится вдвое, то при этом численность безземельных возрастет не вдвое, а в

11 раз, причем значительную часть не обеспеченного средствами существования населения составит молодежь. Таким образом, рост населения приводит к резкому усилению социального расслоения и огромному увеличению численности бедных и нищих. Такая нелинейная реакция, утверждает Голдстоун, приводит к тому, что социально-экономический кризис начинается задолго до того, как образуется реальное перенаселение. Поэтому Голдстоун не рассматривает связи между перенаселением, голодом и сокращением численности населения. Имеется еще один пункт расхождения с классическим неомальтузианством: Дж. Голдстоун (вслед за Р. Ли) считает, что вековые циклы имеют экзогенный характер и, как рост, так и уменьшение численности населения объясняется благоприятными или неблагоприятными изменениями климата¹⁰³. Поэтому, в частности, Дж. Голдстоун формально не считает себя мальтузианцем, полагая, что созданная им теория имеет новое качество¹⁰⁴. Однако некоторые последователи Дж. Голдстоуна указывают на очевидную связь демографически-структурной теории с неомальтузианским подходом. П. Турчин, в частности, показал, что предположение Дж. Голдстоуна об экзогенном характере вековых циклов, по существу, является излишним, что эти циклы естественным образом объясняются из мальтузианского постулата о связи между естественным приростом и потреблением¹⁰⁵. *Таким образом, мы можем рассматривать демографически-структурную теорию, как новую ступень в развитии концепции демографических циклов.*

Переходя к влиянию демографического роста на государство («динамике государства»), Дж. Голдстоун констатирует, что происходящий одновременно рост цен обесценивает государственные доходы, поэтому государство вынуждено повышать денежные ставки налогов – тем более, что рост населения вызывает рост расходов. С другой стороны, обедневшее население оказывается не в состоянии платить налоги в требуемом размере – в результате государство постепенно приближается к финансовому кризису, банкротству и потере управляемости¹⁰⁶.

Демографический рост определяет и динамику элиты. С одной стороны, доходы элиты растут за счет роста земельной ренты, но с другой стороны рост численности элиты приводит к резкому росту числа претендентов на статусные позиции (например, на владение поместьем или занятие высокой должности). Число претендентов растет в той же пропорции, в какой растет число безземельных, и намного перекрывает рост доходов. К тому же значительное число статусных должностей – это должности чиновников, а государство не может увеличивать свои штаты ввиду финансового кризиса. В таких условиях происходит резкое расслоение элиты, ее распад на отдельные фракции, вступающие в борьбу за статусные позиции. Эта борьба ведется как внутри элиты, так и с государством, от которого элита требует финансовой поддержки, то есть передела долей в распределении поступающих от народа ресурсов. Наконец, возрастает и давление элиты на народ, что вызывает резкое сопротивление со стороны обедневшего населения¹⁰⁷.

Таким образом, демографический рост вызывает государственный кризис – значительная часть элиты и народа приходит к убеждению, что государство не в состоянии эффективно контролировать экономическую ситуацию и, тем более, защищать их интересы. Рост оппозиционных настроений находит свое выражение в распространении неортодоксальных религиозных и идеологических течений. Распространению диссидентства способствует также и то обстоятельство, что находящееся в финансовом кризисе государство не может в достаточной мере финансировать ортодоксальную церковь. Вслед за финансовой опорой государства рушится и его идеологическая опора. В этой ситуации конфликт между государством и элитой может привести к тому, что оппозиционные фракции элиты призывают на помощь народ или просто откроют двери народному восстанию. При этом, отмечает Дж. Голдстоун, народ имеет свои собственные побуждения и импульсы, и его проще поднять на восстание, чем управлять им – он легко может обратиться против элиты¹⁰⁸. В итоге, бессилие государства, выступления элиты и народные восстания приводят к гражданской войне и брейкдауну.

Дж. Голдстоун особо касается роли внешних войн в разрушении государства – то есть роли того случайного фактора, которому придают большое значение критики неомальгузианской концепции. Отвечая тем историкам, которые придают главное значение в кризисе XVII века Тридцатилетней войне, а в объяснении русской революции – Первой мировой войне, Дж. Голдстоун указывает, что войны являются обычным явлением истории, что в 1550-1815 годах в Европе было всего несколько десятилетий без войн. Наибольшая интенсивность европейских войн приходится на 1688-1714 и 1800-1815 годы, но в это время не было никаких революций. Отсюда следует, что война способствовала брейкдауну в периоды высокого демографического давления, но не могла вызвать брейкдаун в периоды низкого давления¹⁰⁹.

Переходя к анализу революций XIX века, Дж. Голдстоун отмечает, что с индустриализацией Западной Европы после 1850 года демографический рост уже не мог привести к разрушению государства. *Но Россия, Китай и Османская империя с их сохранившейся традиционной экономической, политической и социальной структурой, остались уязвимыми к демографическому давлению, которое продолжало нарастать в XIX веке и привело к брейкдауну в начале XX века*¹¹⁰. Таким образом, Дж. Голдстоун утверждает, что демографически-структурная теория применима для объяснения русской революции начала XX века, но не разрабатывает эту тему, которая, очевидно, требует особого исследования.

Такого же мнения придерживается Питер Турчин, давший в недавно вышедшей монографии «Историческая динамика»¹¹¹ краткий обзор истории России с точки зрения теории Дж. Голдстоуна. Книга П. Турчина заслуживает внимания и в другом отношении: в ней делается попытка построения имитационной модели, воплощающей основные положения демографически-структурной теории. П. Турчин превратил вербальную схе-

му Дж. Голдстоуна в теорию, описанную на математическом языке, и с помощью анализа временных рядов произвел проверку предсказаний этой теории с конкретно-историческими данными. Таким образом, было показано, что теория Дж. Голдстоуна (так же, как и мальтузианская теория) может быть описана в терминах экономико-математических моделей, что существенно увеличивает ее прогностические возможности¹¹².

На возможность использования демографически-структурной теории для объяснения российской истории (но в применении к другому периоду) указывал также известный американский русист Честер Даннинг, специалист по истории Смутного времени. Изучая причины российского брейкдауна начала XVII века, Ч. Даннинг указал на явления, совпадающие с характерными признаками государственного кризиса по Голдстоуну: на рост населения, сопровождаемый ростом цен, на финансовый кризис государства, на обеднение, раскол и фракционирование элиты. Отмечая необходимость более подробного исследования этого вопроса, Ч. Даннинг делает осторожный вывод, что «как кажется, модель Голдстоуна применима для России»¹¹³.

Таким образом, исследование вопроса о том, в какой степени демографически-структурная теория может объяснить процессы и факты русской истории является достаточно актуальным. Это исследование и является целью книги, предлагаемой вниманию читателя. Мы рассмотрим также некоторые вопросы, не обсуждавшиеся в книге Дж. Голдстоуна, но ставившиеся неомальтузианской теорией – например, вопрос о происхождении российского этатизма и самодержавия. Таким образом, предполагается шаг за шагом рассмотреть важнейшие факты, явления и процессы социально-экономической истории России и проанализировать, могут ли эти факты получить объяснение исходя из неомальтузианских или демографически-структурных представлений.

Однако для того, чтобы сделать определенный вывод о том, что данный конкретный процесс является результатом влияния демографического фактора, нужно рассмотреть также вопрос том, не может ли он быть проявлением действия других факторов – то есть рассмотреть возможность (хотя бы некоторых) альтернативных объяснений. Отсюда возникает необходимость проведения краткого анализа роли других факторов: это поможет нам указать на место демографического фактора в общем балансе сил, исследовать область его влияния и характер взаимодействия с другими силами.

1.2.2. Необходимость учета альтернативных объяснений

При позитивном восприятии теории Дж. Голдстоуна в целом, некоторые историки указывали на необходимость учета, кроме демографической динамики, и других важных факторов.

В частности, Ч. Даннинг, обсуждая вопрос о перспективности применения демографически-структурной теории, указывает на важное влияние еще одного фактора – фактора военно-технических (и просто технических)

инноваций. Наиболее важной военно-технической инновацией рассматриваемого периода было распространение огнестрельного оружия. Социально-экономические последствия этого процесса были рассмотрены Майклом Робертсом, создавшим теорию «военной революции», под которой понимается революция в военной технике, тактике и стратегии, повлекшая за собой создание вооруженных огнестрельным оружием постоянных наемных армий. Содержание таких армий, в свою очередь, потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом». Нуждаясь в ресурсах, военно-бюрократический абсолютизм перераспределял доходы в свою пользу; при этом ему приходилось преодолевать сопротивление старой знати, которая терпела поражение в этой борьбе и теряла свое политическое значение. С другой стороны, увеличение налогов означало новые и часто нестерпимые тяготы для населения, вызывало голод, всеобщее недовольство и восстания¹¹⁴.

Теория «военной революции» дает альтернативное объяснение кризису XVII века в европейских странах, и, по мнению Ч. Даннинга, может быть применена и для объяснения кризиса конца XVI – начала XVII века в России¹¹⁵.

Другой фактор, который необходимо учитывать при анализе конкретных исторических событий – это фактор внешних влияний, которые могут проявляться во вторжении завоевателей, в военном или экономическом давлении, а также в *диффузии* идей, технических изобретений или социально-политических институтов. Технические инновации часто распространяются путем диффузии, поэтому фактор внешних влияний тесно связан с техническим фактором. Появление нового оружия вызывает волну завоеваний, и находящимся перед фронтом волны противникам не остается ничего иного, как поспешно заимствовать это оружие, а вместе с ним военную организацию, которая обычно является частью социальной системы. Однако фактор внешних влияний (или фактор диффузии) действует в более широкой области, чем область действия технического фактора; процесс заимствования распространяется на другие социальные и культурные институты, и, как показывает пример реформ Петра I, может привести к глубокой трансформации общества. В приложении к допетровскому периоду русской истории проблема диффузии инноваций была рассмотрена в статье В. В. Алексеева, С. А. Нефедова, И. В. Побережникова «Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии»¹¹⁶.

Для периода Нового времени процессы, определяемые факторами технических инноваций и внешних влияний, в широком плане рассматриваются в рамках *теории модернизации*. По определению одного из создателей этой теории С. Блэка, модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической

революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания¹¹⁷. Европейская научно-техническая революция началась во времена Ренессанса, и достигла значительных успехов в XVI-XVII веках, она привела к развитию мануфактур и торговли и вызвала к жизни «просвещенный абсолютизм» с его централизацией и бюрократизацией¹¹⁸. При этом страны, находившиеся на периферии Европы, практически сразу же стали перенимать достижения Запада. «Начиная с конца XV века в России и несколько позже в Турции, – писал С. Блэк, – была принята система политического использования западной техники и специалистов, чтобы модернизировать войско и бюрократию, строить укрепления и общественные здания, создавать фабрики и осваивать природные ресурсы. Эта политика приняла наиболее активную форму в России при Петре Великом...»¹¹⁹ Таким образом, как отмечают А. Б. Каменский и А. Н. Медушевский, модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации – преобразования общества по западному образцу¹²⁰. Однако это преобразование было лишь частичным, западные учреждения принимались скорее с целью защиты традиционного российского общества против иностранных вторжений, чем для осуществления фундаментальной модернизации. При этом наиболее ярким проявлением этой «защитной» модернизации был рост централизации и бюрократизации государства – в этих положениях теория модернизации смыкается с теорией «военной революции»¹²¹.

Модернизация не сводилась к простому перениманию отдельных западных институциональных и технических инноваций, в процессе этого перенимания происходил синтез привнесенных и традиционных элементов. «Во многих обществах, – писал Д. Рюшемейер, – модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры... Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур»¹²². Более того, такое частично модернизированное общество может существовать в течение поколений и развиваться по своей, определенной толчком частичной модернизации траектории, отличной от траектории развития Запада. При этом – если это общество достаточно сильно для проведения изоляционистской политики – оно может некоторое время отторгать дальнейшие диффузионные импульсы, идущие с Запада. Таким образом, модернизация в периферийных странах распадается на два процесса – эндогенное развитие как следствие частичной модернизации и экзогенное развитие под действием постоянной диффузии, которая, однако, может частично блокироваться.

В конце XVIII века европейская модернизация вступила в новый этап – этап промышленной революции. «Триста лет назад... – писал Элвин Тоффлер, – произошел взрыв, ударная волна которого обошла всю землю, разрушая древние общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была промышленная революция. Высвобожденная ею ги-

гантская сила, распространявшаяся по миру... пришла в соприкосновение с институтами прошлого и изменила образ жизни миллионов»¹²³.

Техническая революция сделала возможным применение машин, что открыло невиданные перспективы для экономического роста. Началась индустриализация, сопровождавшаяся перемещением значительных масс населения из сферы сельскохозяйственного производства в сферу промышленности. Развитие транспорта, торговли и сельскохозяйственных технологий позволило индустриальным странам Запада резко увеличить «средства существования» для своих народов и снять мальтузианские ограничения. Промышленная революция дала в руки европейцев новое оружие, и военная экспансия Запада привела к резкому усилению процесса вестернизации.

«Теория вестернизации» была подробно разработана в работах Теодора фон Лауэ, одного из наиболее известных историков XX века¹²⁴. Согласно теории фон Лауэ, процесс вестернизации был главным содержанием мировой истории XIX-XX веков; он был обусловлен военным, техническим и культурным превосходством Европы – результатом промышленной революции, которая началась в Англии в конце XVIII столетия. Государства, оставшиеся независимыми, были вынуждены перед лицом военного и экономического давления спешно перенимать вооружение, технику, промышленную и социальную организацию, материальную, а затем и духовную культуру Запада¹²⁵. Вестернизация наносила сокрушительные удары по традиционной культуре и традиционным общественным отношениям. «...Господство Запада делается явным не только в прямолинейной форме превосходящих машин или экономического вторжения, – писал фон Лауэ, – но в более коварной форме всеобщей модели. Эта форма давления, наименее заметная среди инструментов империалистов, была все же наиболее мощной и действовала как постоянная тихая подрывная деятельность. Она разрушала престиж традиционной власти и подрывала преданность людей к их традициям и к их правительству. Никогда во всей истории не существовало такой обширной подрывной силы, как сила Запада... Почти все, что делал белый человек, вплоть до его прихотей, вызывало подражание, иногда просто потому, что это было необычным. Некоторые важнейшие понятия, подобно демократии и свободе, носили такой ореол престижа, что и сегодня они служат как ключевые лозунги – и даже в тех в странах, которые извратили их значение в противоположное... То же самое излияние западных норм, которое подорвало различные неевропейские цивилизации, ниспровергало также традиции и нравы имперской России. Тихая революция извне разрушала традиционную власть царской России намного раньше того, когда она физически разрушилась»¹²⁶.

Мы не ставим перед собой цель подробного изложения теорий «военной революции», модернизации и вестернизации, изложению этих теорий и анализу развития России с позиций модернизации и вестернизации посвящена многочисленная литература¹²⁷. В данном случае речь идет лишь о том, чтобы указать на возможность альтернативных объяснений историче-

ского процесса. При рассмотрении конкретных явлений российской истории мы будем иметь возможность вернуться к этим теориям и на конкретном материале кратко проанализировать роль факторов технических инновации и внешних влияний. Как отмечалось выше, наша цель состоит в том, чтобы отделить результаты их действия от результатов действия демографического фактора – или, по крайней мере, попытаться сделать это, чтобы установить роль демографического фактора в общем балансе сил.

Как отмечалось выше, критики мальтузианской теории указывали также на существенную роль *климатического фактора*. Чтобы не возвращаться к этой теме в каждой главе, мы приведем здесь сводку сведений М. Е. Ляхова о среднегодовых температурах и числе засушливых и дождливых годов в центральной части Европейской России по 30-летиям.

Анализируя табл. 1, прежде всего, нужно отметить отсутствие корреляции между средней температурой лета и количеством засух: коэффициент корреляции равен $-0,31$, то есть засух, как ни странно, было больше в относительно холодные периоды. Очень слаба корреляция между температурой лета и дождливыми сезонами ($-0,37$). Это означает, что глобальные температурные сдвиги не играли существенной роли в сельскохозяйственных кризисах.

Периоды	Экстремальные сезоны			Средняя температура		Фазы цикла
	засушливые	дождливые	сумма	годовая	летняя	
1471-1500	4	3	7	3,9	17,4	0
1501-1530	3	4	7	4,2	17,8	0
1531-1560	3	3	6	4,1	17,6	0,5
1561-1590	3	4	7	4	17,4	1
1591-1620	3	4	7	3,7	17	1
1621-1650	3	0	3	3,7	17,3	0
1651-1680	5	1	6	3,7	17,4	0
1681-1710	2	4	6	4	17	0
1711-1740	3	1	4	3,9	17	0
1741-1770	2	1	3	3,9	17,3	0
1771-1800	1	2	3	3,9	17,9	0
1801-1830	7	0	7	4,1	18	0
1831-1860	9	0	9	3,7	17,3	0,5
1861-1890	5	2	7	3,3	16,4	0,5
1891-1920	9	6	15	3,5	16,3	1

Табл. 1.1. Среднегодовые температуры и число экстремальных сельскохозяйственных сезонов за 30-летние периоды¹²⁸

Кроме того, отсюда, по-видимому, следует, что летописцы отмечали большей частью те неурожаи, которые повлекли существенные последствия в виде повышения цен или голода, иногда пропуская недороды, которые имели место в благоприятные в целом периоды. Чтобы проверить это предположение мы (немного забегая вперед) указали для каждого периода соответствующую фазу демографического цикла: 0 – фаза роста, 0,5 – фаза Сжатия и малоземелья, 1 – экосоциальный кризис. Оказалось, что коэффициент корреляции между фазами цикла и числом экстремальных сельскохозяйственных сезонов равен 0,63, то есть существует, хотя и не очень сильная, связь между числом неурожая и фазой цикла. Таким образом, мы можем, в целом, принять цитированную выше точку зрения Д. Григга: неурожаи бывали во все времена, но они оказывались тяжелыми и даже катастрофическими лишь в периоды перенаселения, когда у крестьян не было запасов зерна и популяция была ослаблена постоянным недоеданием – то есть климатический фактор лишь усиливал эффект перенаселения.

Как отмечалось выше, критики неомальтузианства приписывали большое значение также *фактору внешних войн*. Роль этого фактора будет рассмотрена в последующих главах в контексте объяснения конкретных исторических событий. При этом мы будем опираться на достаточно хорошо аргументированную точку зрения Дж. Голдстоуна о том, что война может вызвать брейкдаун лишь в том случае, если государство уже находилось в состоянии кризиса.

Необходимо отметить, что в работах различных историков действующие факторы исторического процесса выделяются неоднозначно¹²⁹. Наше выделение в основном совпадает со схемой, предложенной Л. Е. Грининым¹³⁰. И. В. Побережников¹³¹, кроме упомянутых выше факторов, считает необходимым учитывать *экономические сдвиги* и изменения *нормативных систем* – то есть изменение социальных стереотипов, традиций, обычаев. Изменения и сдвиги в этих сферах обычно обусловлены демографическим, техническим и диффузионным факторами, поэтому в нашем исследовании мы не рассматриваем эти факторы как независимые. Фактически выделение действующих факторов лимитируется наличием разработанной теории, которая детально описывала бы механизм действия данного фактора и позволяла бы провести соответствующий анализ в конкретной ситуации. Таких теорий сравнительно немного – к их числу относятся упомянутые выше теории модернизации, вестернизации и военной революции. Иногда в качестве альтернативного объяснения предлагается также цивилизационный подход, но сторонники этого подхода признают слабость теоретической базы цивилизационной концепции¹³². А. Т. Тертышный и А. В. Трофимов отмечают, что слабым местом классического цивилизационного подхода является объяснение динамики цивилизационного процесса и расплывчатость самого термина «цивилизация»¹³³.

Выше шла речь о необходимости учета постоянно действующих факторов. По мере возможности, в предлагаемом исследовании будет обсуждена также роль случайных факторов – таких, как эпидемии, династиче-

ские кризисы, характер воспитания некоторых царей, случайные политические события и т. п. При этом желательной целью является отделить случайное от закономерного и выделить роль закономерности в формировании исторического процесса. Конечно, это удастся далеко не всегда, но поиск закономерностей является конечной целью любого научного исследования.

1.2.3. План исследования

Демографически-структурная теория описывает различные сферы социально-экономической жизни, поэтому проверка применимости этой теории и интерпретация социально-экономической истории России на ее основе требует проведения достаточно сложного и многостороннего комплекса исследований.

Обычная схема анализа подразумевает выделение в реальном историческом процессе демографического цикла. Этот процесс предполагает проверку наличия классических признаков каждой фазы цикла (см. п. 1.1.2.). Напомним, что для первой фазы, фазы роста, характерны наличие свободных земель, быстрый рост населения, рост посевных площадей, низкие, но постепенно растущие цены на хлеб, высокая реальная заработная плата, относительно высокий (но постепенно понижающийся) уровень потребления, низкий уровень земельной ренты, строительство новых (или восстановление разрушенных ранее) поселений, ограниченное развитие городов и ремесел, незначительное развитие аренды и ростовщичества. Затем, согласно теории, необходимо проверить наличие признаков следующей фазы, фазы Сжатия. Для этой фазы характерны отсутствие свободных земель, крестьянское малоземелье, высокие цены на хлеб, низкий уровень реальной заработной платы и потребления основной массы, замедление или приостановка роста населения, высокий уровень земельной ренты, частые сообщения о голоде, эпидемиях и стихийных бедствиях, высокий уровень смертности и другие признаки, перечисленные в п. 1.1.2. В соответствии с теорией нехватка земли и перенаселение в деревне вызывает рост миграции в города и в малонаселенные районы. Поэтому необходимо провести анализ данных о численности городского населения, о заработной плате рабочих, ценах на хлеб и уровне потребления, о распространении отходничества. Малоземелье вынуждает крестьян заниматься промыслами и искать работы на мануфактурах и позднее, на фабриках. В этой связи необходим анализ данных об увеличении численности промышленного, мануфактурного и фабричного населения в сопоставлении с обеспеченностью крестьян землей.

Таким образом, задача исследования состоит, в первую очередь, в изучении динамики макроэкономических и демографических параметров. Сюда входят данные о численности населения, рождаемости и смертности, посевных площадях, урожайности, обеспеченности землей, производстве зерна и его экспорте, о ценах, уровне арендной платы, доле зерна, идущей на потребление крестьян, на расходы землевладельцев и на уплату нало-

гов. Для XVI – XVIII веков такие данные часто фрагментарны, рассеяны по различным источникам, требуют критического анализа и систематизации. Для XIX – начала XX века наличие статистической информации позволяет строить временные ряды данных, что открывает возможности для статистического анализа с целью выделения трендов и обнаружения корреляционных связей. Полученные тренды анализируются на предмет соответствия классической картине мальтузианско-рикардианских циклов.

В то же время нужно признать, что для России с ее огромной территорией и большими региональными различиями средние величины сравнительно малоинформативны. В периоды, для которых это возможно, необходим анализ перечисленных выше процессов по регионам. Мы будем рассматривать в основном два региона – Центральный (или Центрально-Промышленный) и Черноземный (или Центрально-Черноземный) регионы, иногда привлекая данные для Северо-Запада и Поволжья.

Демографически-структурная теория уделяет большое внимание анализу динамики отношений и распределения ресурсов в структуре «государство-элита-народ». Этот анализ требует рассмотрения динамики государства и динамики элиты. Динамика государства – это, прежде всего, динамика государственных доходов и расходов, размеры налогов и повинностей, размеры государственного долга, динамика недоимок по различным регионам. В это понятие входят также элементы, характеризующие силу государства по отношению к элите и народу – численность чиновничества, армии и полиции, степень контроля со стороны государства за войском, элитой, церковью и т. д. Рассмотрев динамику государства, мы сможем ответить на вопрос о наличии в российской истории государственных кризисов и брейкдаунов.

Динамика элиты включает численность дворянства, размеры имеющих в его распоряжении материальных ресурсов, размеры поместий, число крепостных у различных категорий дворянства, уровень ренты и уровень доходов. Анализ динамики доходов элиты и их распределения помогает фиксировать периоды кризиса элиты, для которых, согласно теории, характерны такие явления, рост недовольства элиты, ее стремление увеличить ренту, повышение ее претензий к государству, попытки перераспределения ресурсов в свою пользу, фрагментация элиты, появление в ее среде антиправительственных группировок. Для иллюстрации тезиса о внутриэлитной конкуренции привлекаются данные о численности дворянства и недворянских элементов в правительственном аппарате, в гражданских учреждениях и армии. Для XIX века важным показателем интенсивности конкуренции за хорошо оплачиваемые «классные» места в административном аппарате являются данные о росте числа учащихся в средних школах и высших учебных заведениях. Необходимо использовать также косвенные данные о внутриэлитных конфликтах, в частности, на основе пропагандистских компаний в прессе, данных об участии различных слоев в антиправительственной деятельности (с использованием статистики государственных преступлений).

Изучение динамики отношений в структуре «государство-элита-народ» предполагает также анализ социальной напряженности, характеризуемой численностью и частотой крестьянских (и рабочих) выступлений, анализ значения крестьянских восстаний для перераспределения ресурсов. Для этой темы представляется важным также рассмотрение последствий дворянских выступлений и изучение вопроса о степени контроля со стороны элиты над государством (в периоды господства элиты). Необходимо обратить особое внимание на случаи, когда изменение отношений в структуре «государство-элита-народ» не сводилось к перераспределению ресурсов, но имело качественный характер: речь идет о *создании новых отношений внутри структуры, об определенном качественном изменении составляющих ее элементов и принципов их взаимодействия – о трансформации структуры*. (Отметим, что понятие трансформации структуры отсутствует у Дж. Голдстоуна и вводится здесь впервые с целью учета одного из многих критических замечаний, высказанных в адрес книги Дж. Голдстоуна¹³⁴). Трансформации структуры имеют чрезвычайно важное значение, в частности, потому, что они приводят к особо масштабному перераспределению ресурсов. Такое масштабное перераспределение ресурсов, в свою очередь, влияет на темпы роста населения; поэтому необходимо исследовать случаи, когда масштабное перераспределение ресурсов в пользу государства или элиты приводит к сокращению ресурсов народа и стагнации населения (или наоборот, расширение ресурсов народа приводит к увеличению темпов естественного прироста). При этом важное значение имеют причины таких трансформаций, и существенный вопрос – можно ли объяснить их с помощью демографически-структурной теории, или необходимо привлечение других объяснительных концепций.

Наконец, переходя к анализу заключительных фаз демографических циклов, мы постараемся прояснить вопрос о том, в какой степени такие кризисы, как Смута и революции начала XX века, могут быть объяснены в рамках демографически-структурной теории, и в целом, в рамках неомальтузианской парадигмы.

Необходимо отметить, что очерченные здесь задачи исследования, естественно, ограничиваются его источниковой базой – если для второй половины XIX века в источниках, как правило, имеются необходимые статистические материалы, то для других периодов отмечается их недостаток и фрагментарность, и это делает проводимый анализ менее фундированным.